

ПРИЗВАНИЕ

«ШКОЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ДУШИ»

НАСТОЯЩИЙ УЧИТЕЛЬ НЕ ТОТ, КТО ПРОСТО ТАК ПРИШЕЛ В ШКОЛУ, А ТОТ, КОГО ШКОЛА ВДОХНОВИЛА, ВЗВОЛНОВАЛА, УВЛЕКЛА.

Давно это было, а в общем, полвека назад. Я заканчивал филологический факультет Ленинградского университета. Кафедра рекомендовала меня в аспирантуру. Удивились, когда я отказался. Но на то были свои причины. Уходили в прошлое времена, когда громадными портфелями с тремя застёжками и молниями вдоль и поперек нас пугали гранитом филологической науки. Для меня же книга была и остается не отвлеченным объектом исследования, а инструментом нравственной (!!!) помощи средствами искусства. Она, говоря словами Ф.Достоевского, учит «выделяться в человека». Ведь именно ей нужна литература и как инст-

Гении прошлого ощущали в себе эту великую радость школы, а в каждом своем ученике видели и близкого себе человека.

Состояние вдохновения Евгения Ильина постоянно, и оно передается окружающим. Ильин осмелился сказать о том, о чем мог бы молчать. Он не желал скромную должность учителя променять на то, к чему не лежала его душа. Скажем больше: он понимал необходимость того, что нам открылось сейчас – школа несет не только свет знаний, а является опорой жизни человека. Он почувствовал своей филологической интуицией то поприще, где раскроет себя до конца. Этим поприщем стала школа.

Е.П.САУТЬ
Институт детства

румент, и как источник, и как оренбургский платок. Жизнь и книга здесь за одной партой! Толстовская Наташа, образно говоря, рядом с нашей современницей, скажем, с Наташей Петровой, которая наверняка прочтет «Войну и мир». Такой урок может значить больше, чем сама литература. Успевающий здесь успевает быть самим собой. Его не натаскивают, а возвращают. Став предметом человека, книга уже не прячется в портфеле, а раскрывает свои страницы тем, кто «рядом». Раньше говорил про себя, а теперь в открытую могу сказать: по-настоящему литература живет только в школе! И учитель – больше, чем профессия, а кафедра –

не выше его стола. Не дать книге утонуть в литературе, а литературе – измельчить книгу, было моим сокровенным желанием.

Урок представлялся мне «молнией» на куртке: обе стороны застегиваются одновременно неторопливым движением замка. Размахнутая куртка, понятно, не была моим идеалом.

Итак, иду в школу. Но в сентябре-октябре она была уже укомплектована, и я невольно оказался за ее рамками. Но по счастью все же оказалась одна незанятая школа – вечерняя, молодежная. Туда-то я и поспешил. Огибая Литейный мост, проходя мимо знаменитых петербургских «Крестов», ружейных цехов «Красного выборжца», (в нескончаемых диалогах с самим собой), я приблизился к легендарному ЛМЗ (Ленинградский металлический завод), о котором в те годы шла мировая слава. Сбоку, возле одного из корпусов, приютилась школа рабочей молодежи. Несколько позже я понял: длинная дорога к школе становится коротким путем к хорошему уроку. Я вышагивал этот урок, как Маяковский и Блок свои стихи, полушепотом инсценировал все то, что скажу ученикам. Получалось как бы два урока: один – давал себе, другой – классу. Главное, не терял звука (!), разновидности, интонации.

Шумной ватагой у дверей школы обычно встречали меня вечерники. Идя мимо, я держал книгу в руках, как ребенка. Ветхая обложка по-своему чем-то манила. Портфеля в моих руках не было. Побросав папиросы, вечерники один за другим вваливались за мной в школу. Но книга раньше, чем мы, оказывалась в классе. И – закрывала окна. Об этом, пожалуй, стоит поговорить особо.

Мне отвели класс, который тремя зарешетчатыми окнами выходил на территорию завода. Легко представить себе, какая это досадная помеха. Снаружи часто звучали жаркие споры рабочих, иногда переходящие в отборную брань. Как и чем заглушить их выкрики, не закрывая при этом окон. Решил: книгой, книгой! Ее впечатляющие страницы способны вмиг отодвинуть все незначительное, мелкое, житейское.

Начал с «Пиковой дамы». Меня позвал пушкинский Герман, но не к игорному столу, а к своему, учительскому. Три «методические» карты (по аналогии: тройка – семерка – туз) вдруг появились в моих руках. Деталь – Вопрос – Прием стали моей педагогикой. Они разом открыли мне и искусство книги, и искусство урока. К методическим пособиям не обращался. Они часто напоминают позднюю осень: листья – много, но все опавшие, отшумевшие. Буду учиться у той литературы, которую преподаю. А пособия, которые хотел бы прочитать, я напишу сам.

Вернусь к трем беспрюграмным картам. Начну с главной: с художественной детали. Порой достаточно одного штриха, чтобы вся (!) книга и все (!), кто на уроке, заговорили в полный голос. Целое – пугает, отталкивает, но ведет к

нему и раскрывает его какая-нибудь «подробность», какой-нибудь крохотный «узелок» текста. Узелок в любой ткани – брак, в художественной – открытие, от него идут нити ко многим, а иногда и ко всем страницам произведения. Как дождевая капля на окне, сорвавшись, вдруг прочерчивает путь, становясь струйкой, вбирающей в себя другие капли. Точно так же и художественная деталь «прочерчивает» книгу. «Подробность – это Бог!» – провозглашал Гете. И я буквально ликовал от его короткого, но мудрого афоризма. В восторг приводил меня и шведский натуралист Карл Линней, сказавший: «Природа наиболее удивительна в малом!». Однако не только природа, но и книга. Именно здесь, в вечернем классе, мне открылся секрет художественного анализа: мелочи – крупный план! Но деталь, однако, не жевательная резинка, которую можно мусолить до бесконечности. И университет помог мне именно так, по-писательски, прочита-

тать книгу, находить в ее страницах «затерявшийся» ключ, который ее мгновенно откроет. Живительная конкретика детали обладает такой возможностью. «О, как все коротко и многодумно!» – говорил о Пушкине В.Розанов. То же могу сказать я и о художественной детали. Ее многодумность увлекала многих. «Пушкин –

это няня плюс лицей!» – изрек однажды ученик. Хорошо бы и нам, учителям, научиться так говорить.

Я наблюдал, как затихали ученики, когда мы обсуждали одну «подробность» фадеевского «Разгрома». Подумаем, от какого слова образовано Мечик – фамилия героя. От слова «меченый» (несмываемой грязью предательства) или «мечется» (между своими и чужими)? А может, от двух слов сразу? Вот и размышляем, шурша страницами «Разгрома», не слыша того, что за окнами...

От детали, между прочим, и вопрос, такой же непростой, как и она сама. После дуэли с Грушницким и тщетной погони за Верой, Печорин, как известно, засыпает сном Наполеона после Ватерлоо. В чем смысл столь неожиданного сопоставления двух имен? Согласитесь, интересно подумать над этим – над печоринским Ватерлоо.

Урок литературы отчасти можно сравнить с рыбалкой. Ведь просто так рыба не ловится. Нужно непременно забросить в воду крючок и обязательно с насадкой. Ею может быть, образно говоря, и деталь, и вопрос, и – прием. С его помощью школьники, например, с интересом прочитают четырехтомную «Войну и мир». Попросим их однажды в игровой, конечно, форме ответить и себе, и другим: «В какой семье я хотел бы жить и воспитываться: у Болконских или у Ростовых?». Свой выбор, безусловно, надо аргументировать страницами романа. Вот и осилили, как сказал один ученик, «два килограмма текста».

На этом, пожалуй, и все, о чем вкратце хотелось рассказать, о «школьном состоянии души», дающем каждому из нас ключ к успеху.

Евгений ИЛЬИН

«Школьное состояние души», о котором говорит Лев Толстой как о новом творческом этапе, «овладело» мною и поманило в школу, какой бы она не была и как бы далеко не отстояла от дома. Без напутствий понимал, что она не только образовательная, в неменьшей степени и воспитательная.